

О, КАКОЕ
ПЬИРШЕСТВО
ЧУДЕС
ОТКРОЕТСЯ
ТВОЕМУ ВЗОРУ...

КАКОЙ
ИЗОЩРЁННЫЙ
БАЛ-МАСКАРАД
ЧИСТЕЙШЕГО,
НЕИЗРЕЧЁННОГО
БЛАЖЕНСТВА...

Издательство АСТ
Москва

КОГДА ^{ТЫ}САМ
СТАНЕШЬ ТЕМ,
ЧТО ВНУШАЕТ
СТРАХ...

Редактор Ханна Элдер
Редактор первого издания Морт Тодд
Обложка Дэйв Маккин
Дизайн Джейсон Ульмайер

Автор *Нил Гейман*
Художник *Майкл Зулли*

Шрифты *Тодд Кляйн*

Цвета для первого издания *Джон Калиш* и *Берни Мирео*
Переработанные цвета *Дэвид Кьюриэл* (студия «Инлайт»)
По мотивам рассказа *Нила Геймана* и *Элиса Купера*

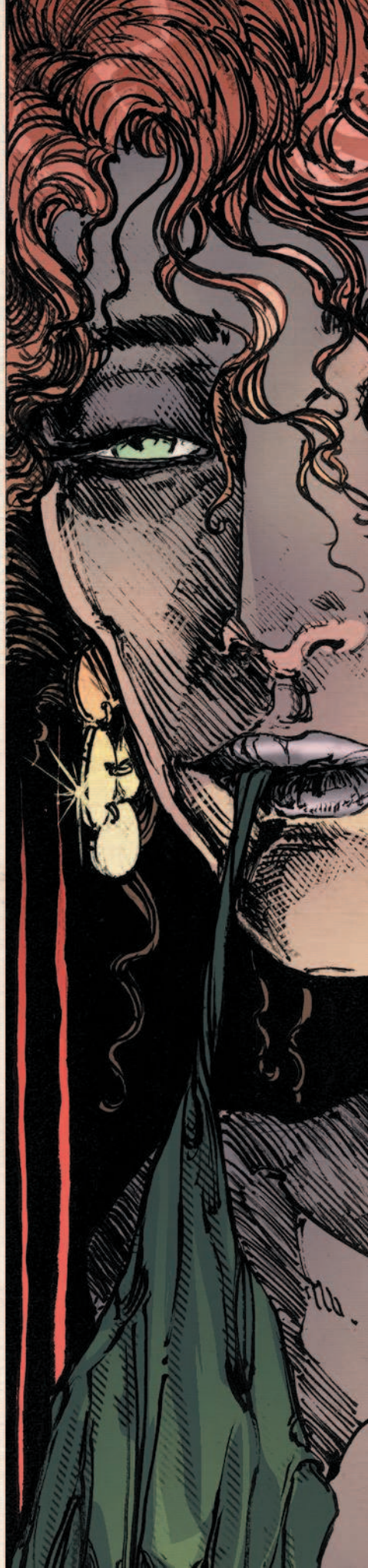
“ТЕБЕ БОЛЬШЕ
НИЧЕГО
БУДЕТ БОЯТЬСЯ!”

Посвящение от Нила

Посвящается замечательной Синди Шапиро, много лет назад вложившей столько сил в этот проект. А ещё — Джеку Уоллу. И ещё — Грейс, которая уже, по счастью, вполне взрослая.

Посвящение от Майкла

Большому Стиву К. и Элису, которые прошли этот путь. И всем маленьким Стивенам на свете... запомните, Мерсии не существует. Пощады не ждите.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
НИЛА ГЕЙМАНА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.
НЕХОРОШЕЕ МЕСТО,
ГДЕ В ОДИНОЧКУ НЕ ВЫЖИТЬ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.
НЕЧЕСТИВАЯ ВОЙНА

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.
ОЧИЩЕНИЕ ОГНЁМ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО
НИЛА ГЕЙМАНА ЭЛИСУ КУПЕРУ

ПЕРВЫЙ СИНОПСИС
НИЛА ГЕЙМАНА

ЧЕРНОВОЙ СЦЕНАРИЙ
НИЛА ГЕЙМАНА

ГАЛЕРЕЯ ОБЛОЖЕК
ДЭЙВА МАККИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ НИЛА ГЕЙМАНА

Дом Восковых Фигур стоит рядом с кладбищем — да и может ли быть иначе?

На улице холод и темень, туман стелется над землёй, размывая пятна фонарей, мерцающих неверным светом у входа в Дом. Ты идёшь через кладбище. Густая глина липнет к ботинкам, тянет тебя к земле.

Дом Восковых Фигур — огромный коричневый шатёр из тонкой кожи, обвисшей вялыми складками в безветренной, волглой темноте. Ты проходишь внутрь. Сухая листва хрустит под грязными ботинками, туман клубится и свивается кольцами в дальнем углу шатра. Внезапно оробев, ты пятишься к выходу.

— Ты пришёл посмотреть интермедию, — раздаётся у тебя за спиной.

— Откуда вы знаете?

— Мне ли не знать.

Ты поворачиваешься и видишь перед собой человека. Его одежда, некогда элегантная, давно превратилась в засаленные обноски. Волосы длинные, чёрные. Лицо узкое, с глубоко запавшими глазами. Он приподнимает цилиндр, приветствуя тебя, и обнажает зубы в волчьей ухмылке.

А затем поднимает трость. Сотни свечей вспыхивают разом, озаряя внутренность шатра, и ты понимаешь: это нехорошее место. Ты обводишь взглядом ряды восковых фигур, застывших на пьедесталах.

Хозяин Театра ведёт тебя к одной из фигур. Проводит пальцем по её пиджаку, усыпанному блёстками. Восковая статуя ростом с человека сжимает в руке микрофон. Видно, это какая-то звезда рок-н-ролла: глаза и рот густо обведены чёрным. Табличка на пьедестале гласит: «ЭЛИС КУПЕР».

— Похож на вас, — замечаешь ты.

— И впрямь, некоторое семейное сходство имеется, — признаёт Хозяин Театра.

И вы переходите к следующей фигуре. Это художник, высокий мужчина с усами и бородой на зависть самому Дали. Он стоит перед мольбертом, что-то рисует. А прямо на спине у него аккуратными буквами написано: «ЗУЛЛИ».

Рядом с ним — фигура в кожаной жилетке и солнечных очках. У этого — тёмные волосы, синие джинсы. И в руках табличка: «ПИСАТЕЛЬ».

— Хочешь послушать, что он может сказать? — предлагает Хозяин Театра.

Ты пожимаешь плечами. У входа в шатёр доносится какой-то шорох; ты украдкой оглядываешься, но не видишь ничего, кроме всё тех же восковых фигур, застывших в нелепых позах.

Хозяин достает из кармана потёртую серебряную монетку и проталкивает её между губами статуи.

— Здесь у нас такой уклад, — сообщает он тихим голосом, едва ли громче шёпота. — Брось монетку в автомат.

Статуя писателя приходит в движение, словно внутри неё ожил какой-то механизм. Медленно, рывками, поднимает руку. Склоняет голову. Приоткрывает рот — и ты невольно замечаешь, что монетки как не бывало.

«Лет десять тому назад...» — начинает она.

Лет десять тому назад я сидел в кабинете у себя дома, в Англии, как вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку. Люблю, когда мне звонят.

— Это Боб Пфайфер. Пэ, эф, а, и краткое, ещё одно эф, е, эр. Я из Лос-Анджелеса, со студии «Эпик Рекордс».

— Здравствуйте, — пробормотал я, недоумевая, кому я мог понадобиться на студии звукозаписи. Неужели кто-нибудь тайком записал, как я пою в душе, и выпустил пиратский альбом — «Душевые песни Нила Геймана»? А что, почему бы и нет? В тот момент я даже готов был допустить, что запись могла разойтись по миру и добраться до Лос-Анджелеса. Конечно, маловероятно, но не настолько, как если бы, например, меня заочно выбрали премьер-министром какого-нибудь Лихтенштейна.

— Ага. Отлично. В общем, один мой артист — ваш большой поклонник. Да мы тут все ваши поклонники! Ну, знаете, «Песочный человек» и всё такое. Вот мой ассистент, Джейсон, — так он вообще фанат.

— Приятно слышать.

— Ага. Ну так вот, о чём я. Этот мой артист. Он хочет сделать концептуальный альбом.

— И?..

— Ну, и мы тут подумали, может, вы захотите поработать вместе с ним над концепцией? Интересно?

— А о ком конкретно идёт речь?

— Ну, меня как бы просили не разглашать... Но, в общем, это Элис Купер.

Элис Купер?

Элис Купер мне нравился. Мне нравились и *School's Out*, и *Billion Dollar Babies*, и *Teenage Lament '74*, а *Welcome to My Nightmare* я и вовсе считал одной из величайших рок-н-рольных композиций. И *Trash*, на мой вкус, был замечательным возвращением на большую сцену.

Голова у меня слегка закружилась от пронзающих перед мысленным взором картин: змеи и мечи, цилиндры и глаза, обведённые чёрным.

— Может быть, — сказал я в трубку. — Но сначала я хотел бы с ним встретиться.

Здесь стоит упомянуть, что где-то за неделю до нашей встречи с Элисом Купером на экраны вышел «Мир Уэйна» (*Wayne's World*), но я тогда ещё не смотрел этот фильм и ничего о нём не знал.

И вот мы с Бобом Пфайфером — который в жизни моложе, забавнее и не такой толстый, как кажется по телефону, но всегда неопишимо взвинченный — уселись за столик в ресторане отеля, где я остановился по прибытии в Финикс (Аризона).

— Вот он! — через некоторое время воскликнул Боб, тыча пальцем в окно на высокого человека, вылезавшего из спортивной машины. Сначала я разглядел лишь белую футболку, синие джинсы и длинные чёрные волосы.

Он вошёл в ресторан. Посетители за столиками завозились, поворачивая головы и пожирая его взглядами.

Шутка ли — настоящий Элис Купер, собственной своей долговязой, лохматой и загорелой персоной! Глаза у него оказались весёлые, пронзительные и живые. О дурацких итальянских фильмах ужасов он знает столько, сколько, наверное, не знают и те, кто пишет про них за деньги.

Мы перекусили и решили подняться ко мне в номер, чтобы поговорить спокойно. На выходе из ресторана наперерез нам бросились двое, рухнули перед Элисом на колени и возопили: «Мы недостойны!»

Элис любезно кивнул им в ответ. Я спросил, что это значит, и он пояснил, что это всего лишь небольшой знак уважения, какие обычно выказывают ему здесь, в Финиксе. Впрочем, позже он всё-таки сознался, что это была цитата из нового фильма — того самого «Мира Уэйна».

С тех пор всякий раз, как я видел Элиса на публике, кто-нибудь обязательно подходил к нему, низко кланялся и говорил: «Мы недостойны!» И всякий раз Элис добродушно улыбался и кланялся в ответ.

В тот день, у меня в номере, мы побеседовали о хорроре в литературе, о том, какой должна быть хорошая история, и какую историю можно положить в основу альбома. Мы поговорили о театре «Гран-Гиньоль» — французском театре ужасов, который был очень популярен в начале двадцатого века. Поговорили, опять-таки, о дурацких

итальянских фильмах. Поговорили о Фаусте.

Элис Купер иногда говорил об Элисе Купере в третьем лице. Например, он мог заявить: «Элис не может этого сделать». Постепенно до меня дошло, что Элиса Купера на самом деле два: один — человек, а другой — кумир публики. Я признал, что это очень удобно: человек Элис Купер — личное дело Элиса Купера как человека, но персонаж по имени Элис Купер — это совсем другая история. Это — фантастическая небылица. Это — сам театр.

Персонаж по имени Элис Купер — легенда хоррора. Он обитает на вершинах славы по соседству с Ларри Тальботом и графом Дракулой, Джейсоном Вурхизом и Фредди Крюгером. Он висит в петле и лежит под ножом гильотины; он играет со змеями и бежит из сумасшедшего дома. Он даже побывал героем одного из марвеловских комиксов — чего уж больше?

Элис-человек мне ужасно понравился. Понравилась и мысль о том, чтобы создать историю с Элисом-персонажем — такую, на основе которой можно будет сделать альбом или концерт. И где-то в ходе нашего разговора я почувствовал: что-то изменилось. Мы больше не были двумя незнакомцами, присматривающимися друг к другу, чтобы решить, хотим мы работать вместе или нет. Мы уже работали вместе, не заметив сами, как это случилось.

Я предложил ему несколько идей. Что-то ему пришлось по душе, что-то — не очень. Мы обсудили атмосферу, которую мы хотим создать, поговорили о форме, о персонажах.

Потом я вернулся в Англию, ещё раз поговорил с Элисом по телефону и сел писать историю, которая, казалось, начала у нас складываться. Сказку о мальчике по имени Стивен, о странном театре и о Хозяине Театра, удивительно похожем на Элиса Купера. Этот Хозяин, коварный дух (возможно, даже демон), предлагающий Стивену сделку, временами выступает в роли рассказчика. История повествует о театральном представлении, на которое попадает Стивен, о его родителях, школьных друзьях и учителях и, наконец, о великом искушении, которому он подвергается.

Сам, без Элиса, я бы ничего подобного не написал. Сюжет мне кажется слишком уж прямолинейным: Господь всегда приглядывает за невинными, а древний змей всегда найдёт лазейку, чтобы пробраться в твоё сердце. Но, так или иначе, история получилась добротная и своё предназначение выполнила.

В следующий раз мы с Элисом встретились через полгода, снова в Финиксе, в том же самом отеле. Расположившись в номере Боба Пфайфера, мы послушали записи первых нескольких песен из нового альбома. Затем, прямо при мне, Элис со своими помощниками написал ещё три песни. Я наблюдал за ними, сидя на кровати, и время от времени подбрасывал какое-нибудь словечко для текста или предлагал название.

Потом из пустыни пришла гроза, и мы, перебравшись на балкон, смотрели, как ветер гнёт и треплет могучие эвкалипты, и внимали Повести О Том, Как Элис Познакомился С Элвисом. В повести фигурировали карате, пистолеты и Линда Лавлейс.

Прошло ещё несколько месяцев — и я приехал в Лос-Анджелес, послушать, как записывают *Lost In America*. Странное дело! Казалось, ещё вчера не было ничего, кроме сюжета у меня в голове, — и вот, пожалуйста, на тебе: всамделишный концептуальный рок-альбом! Настоящие музыканты. Настоящий Элис Купер. А Дэйв Маккин даже согласился сделать для этого альбома обложку.

Когда и кто впервые заговорил о комиксе по мотивам альбома, я не помню. Но кто-то мне это предложил — и я с удовольствием согласился. Идея показалась мне захватывающей. Рок-звезды уже не первый десяток лет мелькали на страницах комиксов: музыканты *Kiss*, если верить слухам, добавили собственную кровь в краски для печати марвеловского рок-комикса, посвящённого этой группе, а Джимми Олсен в каком-то выпуске отправился на машине времени в каменный век и там положил начало битломании. Но (только между нами!) все эти комиксы были, скажем прямо, так себе. И я подумал: что нам мешает сделать по-настоящему классный рок-комикс? В конце концов, у нас остались довольно большие куски сюжета, не попавшие в альбом. Отчего бы не взять и не собрать все это в целостную историю?

Следующая моя мысль была о Майкле Зулли — художнике и ходячем двойнике Сальвадора Дали. Майкл был соавтором «Блюза пумы» (*Puma Blues*) — серии научно-фантастических комиксов на экологические темы; он создал самую странную и мрачную из всех историй о Черепашках-Ниндзя — «Зиму увядших душ»; он иллюстрировал некоторые выпуски моего «Песочного человека»; наконец, мы с ним едва не стали соучастником преступлений Суини Тодда, демона-парикмахера с Флит-стрит. В общем, Майкл — один из самых восхитительных, мрачных и завораживающих художников-комиксистов, и я подумал, что для этого проекта он подойдёт идеально... если, конечно, согласится участвовать.

Я позвонил ему — и он согласился.

Разработкой шрифтов для нашего комикса занялся Тодд Кляйн, лауреат множества наград в своей области.

И вот, наконец, вышел альбом, а следом за ним и комикс, и мы с Элисом потащились через всю Европу с рекламным туром. Я исполнил мечту своего детства — попал за кулисы телешоу «Вершина популярности» на Би-би-си, пока Элис со своей группой исполнял *Lost In America* на фоне двадцатифутовой репродукции одного из разворотов комикса. В Германии нас принимали, не побоюсь этого слова, как королей, а в Скандинавии — не побоюсь этого слова, как богов.

Отзывы были хорошие: все кому не лень,

от рок-критиков лондонской «Таймс» до журналистов из «Роллинг Стоунз», заявили, что это лучший альбом Элиса за последние пятнадцать лет. Продажи тоже не подкачали: альбом разошёлся по всему миру и продолжает делать неплохие сборы по сей день.

Что до комикса, то я, по сути, намеревался создать эквивалент нескольких поп-синглов в форме иллюстрированной книжки, которую можно будет листать под аккомпанемент альбома. Смотри картинку, слушай пластинку. Никакой особой глубины, никакой многозначности. Просто страшилка вроде тех, что рассказывают по вечерам у костра. Сказка осенней поры, когда листья осыпаются с деревьев и шуршат под ногами. Лёгкое чтение для Октябрьской страны, как сказал бы Рэй Брэдбери.

Статуя писателя улыбается, кивает, закрывает рот и возвращается в свою прежнюю позу. Кожа её лоснится, как старьёвый воск — или как свежий труп.

Хозяин Театра поворачивается к тебе.

В его улыбке, в его глазах чувствуется что-то звериное... как будто волчье.

— Желаете знать что-нибудь ещё? — спрашивает он.

В ответ ты лишь нервно мотаешь головой и пятишься к выходу — прочь из шатра, подальше от этих восковых людей. Снаружи — пусть даже и на кладбище — определённо будет уютнее.

Хозяин Театра взмахивает тростью.

Свечи, озаряющие шатёр, начинают гаснуть, одна за другой. Умирующий свет рассыпает тени по стенам, и в этих пляшущих тенях восковые фигуры как будто приходят в движение. Спускаются со своих пьедесталов. Идут к тебе.

Ты не шевелишься. Ты застыл на месте. Ты не можешь отвести взгляд.

— Не уходи, — говорит Хозяин Театра. — Мы покажем тебе кое-что ещё. — Рукой, затакнутой в перчатку, он нащупывает что-то у себя ухом. — Смотри.

Лицо его открывается, словно дверца. За ней — череп, жёлтый, как старая слоновья кость. И в пустой глазнице извивается крохотная змейка — зелёная, словно изумруд, только что вышедший из-под резца гранильщика.

Она шипит на тебя, обнажая клыки.

И чары спадают: ты снова можешь двигаться. Ты отступаешь на шаг, другой — и опрометью бросаешься к выходу. Он где-то здесь, совсем рядом...

В отчаянных поисках двери ты оглядываешься и видишь — шатёр совершенно пуст.

Шорох становится громче. Он как будто доносится сразу со всех сторон.

И в этот миг последняя свеча угасает.

Нил Гейман,
1995 г.

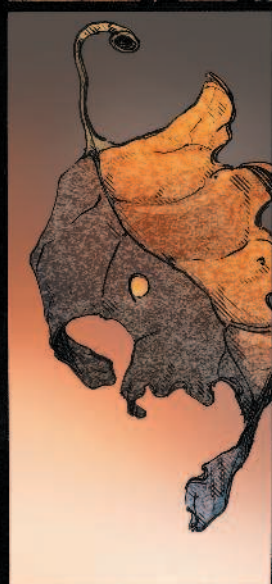
Действие первое. « Нехорошее место, где в одиночку не выжить »

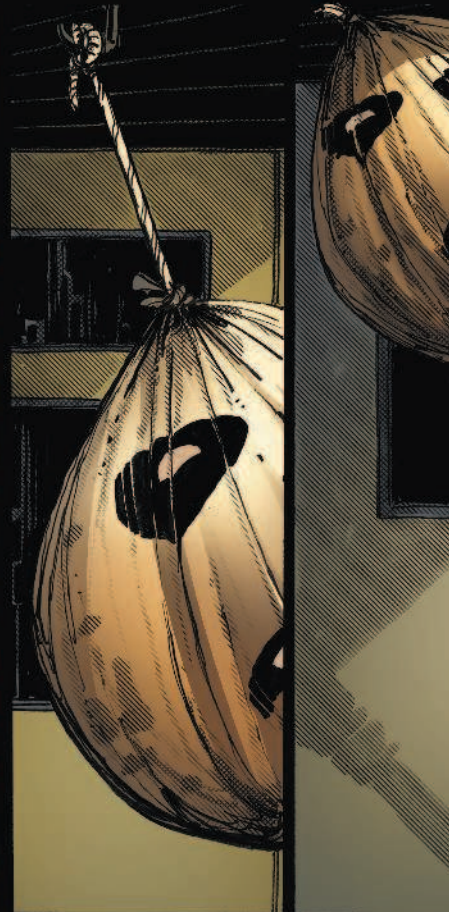
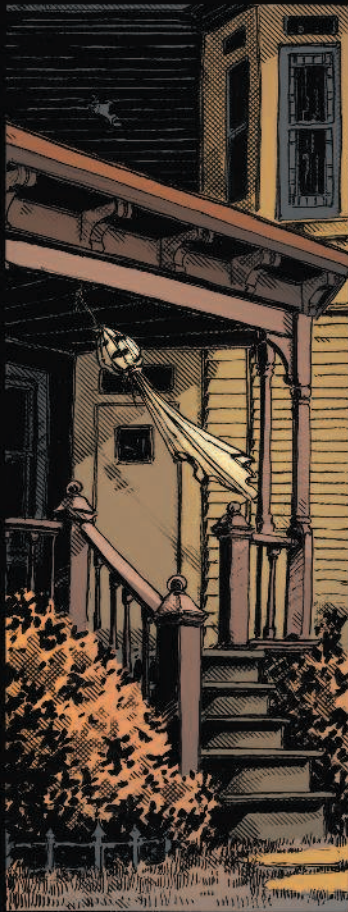
ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ, ЖЁЛТЫЕ,
РЫЖИЕ, КРАСНЫЕ, КРУЖАТ НАД ПУСТЫННОЙ
УЛИЦЕЙ, ПОДХВАЧЕННЫЕ РЕЗКИМ, ХОЛОДНЫМ
ВЗДОХОМ ОКТЯБРЬСКОГО ВЕТРА.

ТУМАН СОБИРАЕТСЯ В ПРОУЛКАХ,
РАЗМЫВАЯ ПЯТНА НАТРИЕВЫХ ФОНАРЕЙ,
ЧТО ОДИН ЗА ДРУГИМ ВСПЛЫХИВАЮТ
НЕВЕРНЫМ СВЕТОМ, ТРЕВОЖА СУМЕРКИ.

НО ВОТ – НОВЫЕ
КРАСКИ И ГОЛОСА
ВТОРГАЮТСЯ В КАРТИНУ.

КОРОЧЕ, ОН УХОДИТ. А ОНА
ВДРУГ СЛЫШИТ КАКОЙ-ТО ЗВУК. ВРОДЕ
КАК КТО-ТО **ВСКРИЖИЛ**.

И ТИШИНА. БОЛЬШЕ
НИ ЕДИНОГО ЗВУКА, НИЧЕГО ОШЕНЫ-
КИ. А ПОТОМ ВДРУГ — КАКОЙ-ТО
СТРАННЫЙ СТУК ПО КРЫШЕ МАШИНЫ.
ВРОДЕ КАК КАПАЕТ ЧТО-ТО.
КАП, КАП, КАП...

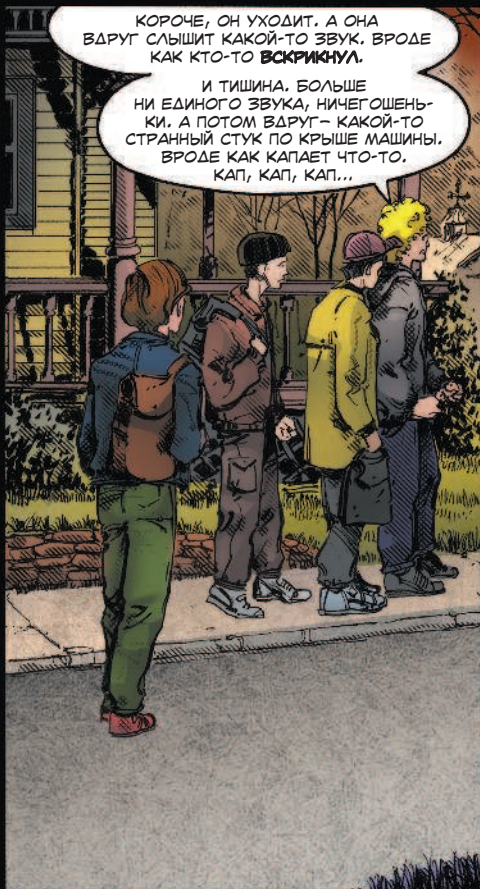
НО ОНА СИДИТ
ТИХО. СОБРАЖАЕТ,
ЧТО ЛУЧШЕ НЕ ДЕРГАТЬСЯ.
ХОТЯ ПЕРЕПУГАЛАСЬ
ДО СМЕРТИ.

ДАЛЬШЕ,
НАВЕРНО, БУДЕТ
КАКАЯ-ТО ЖУТКАЯ
ПАКОСТЬ?

НУ ТЫ И СЛОНТЯЙ,
СТИВЕН!

Я НЕ
СЛОНТЯЙ!

ЛАДНО, УГОВОРИЛ,
НЕ СЛОНТЯЙ. ТЮФЯК.
ДАВАЙ, ДЖЕЙКОВ,
НЕ ТЯНИ, ЧТО ТАМ
ДАЛЬШЕ-ТО БЫЛО?

МАЛЬЧИШКИ
БРЕДУТ ПО УЛИЦЕ ШУМНОЙ,
ЯРКОЙ ТОЛПОЙ: ПЁСТРЫЕ
СВИТЕРА, ФУТБОЛКИ, ДЖИНСЫ,
ДОЖДЕВИКИ, СУМКИ С КНИГАМИ,
НЕОНОВЫЕ КРОССОВКИ.

СЛУШАЙТЕ,
СЛУШАЙТЕ ИХ:

...НУ ТАК ВОТ,
ПАРЕНЬ ЕЁ, КОГДА УХОДИЛ, СКАЗАЛ,
МОЛ, ДВЕРИ В МАШИНЕ ЗАПРИ, А ТО КТО
ЕГО ЗНАЕТ, ЧТО ТАМ, СНАРУЖИ.

А ОНА ЕМУ: НЕ ХОДИ!
ПОМНИШЬ, ПО РАДИО ГОВОРИЛИ,
МАНЬЯК-УБИЙЦА СБЕЖАЛ
ИЗ ТЮРЬМЫ...

...А ОН ТОЛЬКО
РЖЁТ: НУ, МОЛ, ЕСЛИ
Я НЕ РАЗДОБУДУ БЕНЗИНА
И НЕ ПРИВЕЗУ ТЕБЯ ДОМОЙ
ДО ПОЛУНОЧИ, ТВОЙ ПАПАША
МЕНЯ ТАК И ТАК
ПРИБЬЁТ.

НУ ВОТ,
КОРОЧЕ,
ВЫХОДИТ
ОН ИЗ МАШИНЫ...
...И ГОВОРИТ ЕЙ: ДВЕРИ
ЗАПРИ И НЕ ОТКРЫВАЙ
НИКОМУ.

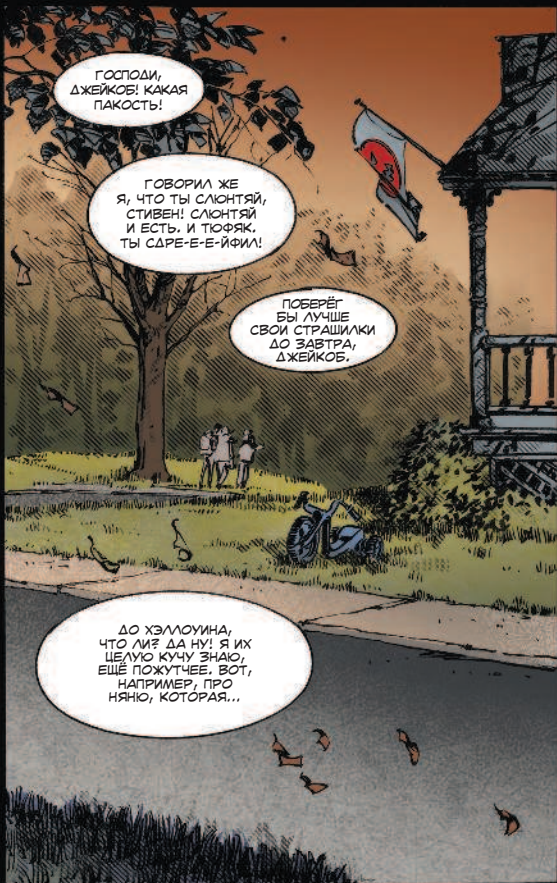

СИДИТ ОНА
В МАШИНЕ. СИДИТ, СИДИТ И ЗА-
СПАЕТ. А ПОТОМ ПРОСЫПАЕТСЯ
ОТ ТОГО, ЧТО В ОКНО ЕЙ КТО-ТО
СТУЧИТ. ОНА ВИДИТ - ПОЛИЦИЯ
ПРИЕХАЛА. НУ, ОНА ОТКРЫ-
ВАЕТ ИМ, А ОНИ ЕЙ: ДАВАЙ,
ВЫХОДИ СКОРЕЕ, ТОЛЬКО
НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ.

И ВОТ ОНА ВЫХОДИТ
ИЗ МАШИНЫ - И ХОП-ПА!
НЕ УТЕРПЕЛА ВСЁ-ТАКИ.

ОБОРАЧИВАЕТСЯ,
СМОТРИТ - А ТАМ,
НА АНТЕННЕ, ТОРЧИТ
ГОЛОВА ЕЁ ПАРНЯ!

А ЭТО ВОТ «КАП-
КАП-КАП» - НУ, ПОМНИТЕ,
ОНА СЛЫШАЛА? ТАК ЭТО
ЕГО КРОВИЩА НА КРЫШУ
МАШИНЫ КАПАЛА.

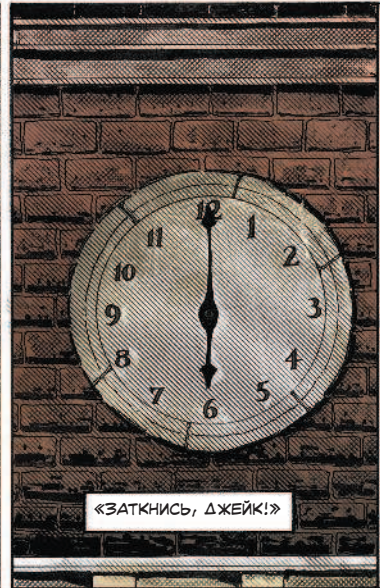
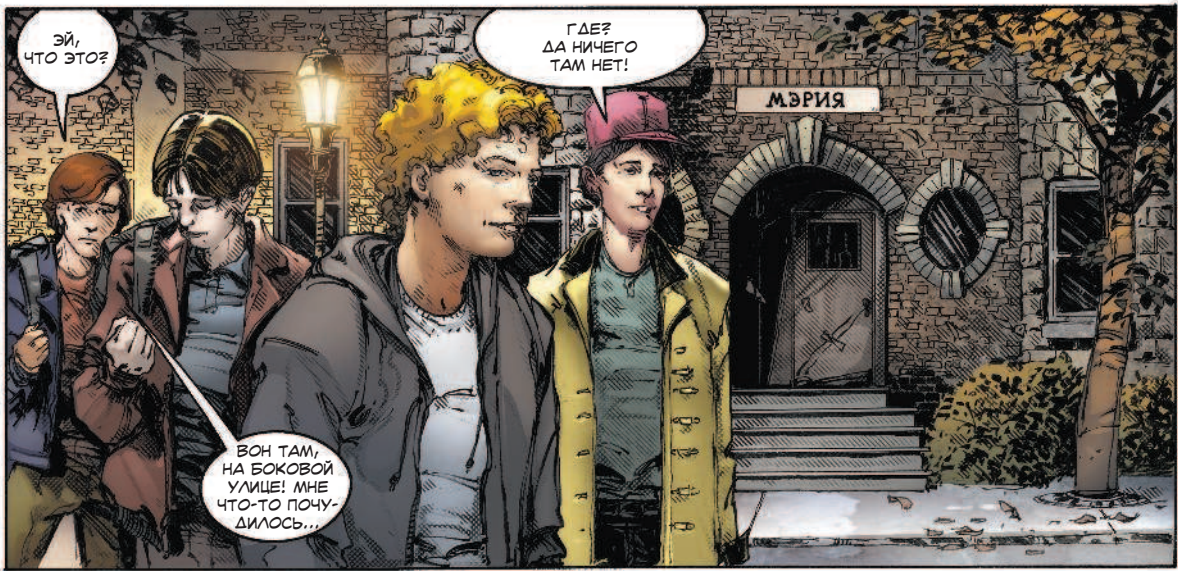

ГОСПОДИ,
ДЖЕЙКОБ! КАКАЯ
ПАКОСТЬ!

ГОВОРИЛ ЖЕ
Я, ЧТО ТЫ СЛОУНТЯЙ,
СТИВЕН! СЛОУНТЯЙ
И ЕСТЬ. И ТЮРЯК.
ТЫ САРЕ-Е-Е-ЙФИЛ!

ПОВЕРЁТ
БЫ ЛУЧШЕ
СВОИ СТРАШИЛКИ
ДО ЗАБРА,
ДЖЕЙКОБ,

ДО ХЭМОУИНА,
ЧТО ЛИ? ДА НУ! Я ИХ
ЦЕЛЮЮ КУЧУ ЗНАЮ,
ЕЩЁ ПОЖУТЧЕЕ. ВОТ,
НАПРИМЕР, ПРО
НЯНЮ, КОТОРАЯ...

ЭТО
ЕЩЕ ЧТО
ТАКОЕ?

КАК-ТО
ВСЕ ЭТО
СТРАННО.

СТИВЕН!
ДЖЕЙКОБ! КАЙЛ!
ВЫ ТОЛЬКО
ПОСМОТРИТЕ!

ГРАНДИОЗНЕЙШИЙ
ГУГ-НОЛЬ? ЧЕГО? ЧТО
ЭТО ЕЩЕ ЗА ХРЕНЬ
СОБАЧЬЯ?

ЛОПНИ МОИ
ГЛАЗА! КАКОЙ
ОТБОРНЫЙ ЦВЕТ
ЮНОШЕСТВА
ПОЖАЛОВАЛ
К НАМ НЫНЧЕ
ВЕЧЕРОМ!

КАКОЕ
СЛАДКОЕ, СВЕЖЕЕ
МЯСЦО!

ЮНЫЕ
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
ЖЕЛАЮТ РАЗВЛЕЧЬСЯ
НЕБОЛЬШИМ ТЕАТРАЛЬНЫМ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ?
ВЫ ОБРАТИЛИСЬ
ПО АДРЕСУ!

Э-Э-Э...
МЫ ВАС НЕ ЗНАЕМ,
МИСТЕР...

АХ! ЗАТО Я ЗНАЮ ВАС,
ДЖЕЙКОБ КЭНДЛМАН. И ВАС,
КАЙЛ ВАН ФЛЕК. ЖЕЛАЕТЕ ВОЙТИ
И НАСЛАДИТЬСЯ ЗРЕЛИЩЕМ?

НЕТ?

